

Высшее образование без границ

Высшее образование сложно представить без таких учебно-научных учреждений, как университеты. Некоторые из них имеют весьма почтенный возраст – Болонский университет, например, был основан в 1088 г., Оксфордский – в 1096 году. В подобных учреждениях тщательно соблюдаются традиции, и из своей родословной они «выжимают по максимуму», молодые же университеты усердно работают над тем, чтобы создать ауру древности. Однако старые, поддерживающие традиции, университеты в настоящее время претерпевают угрозу изменений настолько фундаментальных, что можно говорить об изменении самой идеи университета. Университеты экспериментируют с новыми формами финансирования (особенно посредством платы за обучение), изобретают способы сотрудничества с частными компаниями, принимают участие в различных объединениях и приобретениях.

Британский журнал «Экономист» поместил серию статей своих обозревателей, посвященных высшему образованию, его состоянию в различных странах мира, современным тенденциям его развития. Блестящим поводом к этому послужило опубликование так называемого Шанхайского рейтинга университетов мира – подготовка Институтом высшего образования Шанхайского университета классификации университетов мира по ряду объективных критериев академического и научного характера, в том числе таких, как число лауреатов Нобелевской премии и количество статей, опубликованных в ведущих научных изданиях.

США: секреты успеха

Американская система высшего образования признана лучшей в мире. Недаром согласно Шанхайскому рейтингу университетов мира 17 из первых 20 университетов в этом списке – американские. Американскими также являются 35 университетов из первых 50. В американских университетах в настоящее время работает 70% Нобелевских лауреатов, публикуется примерно 30% от общемирового количества статей по науке и технике (согласно исследованию 2001 г.) и 44% статей, наиболее часто цитируемых.

В то же время в США бóльшая, чем практически где-либо еще в мире, доля населения стремится получить высшее образование – почти треть молодых людей добивается получения степени бакалавра и еще одна треть продолжает обучение в надежде получить следующие, более высокие ученые степени. Большинство студентов – женщины. Треть студентов относятся к национальным меньшинствам. Более 40% из них – старше 25 лет. Около 20% происходят из семей с доходами ниже уровня бедности. Половина являются студентами вечернего или заочного отделения, 80% студентов работают.

Почему американская система высшего образования так успешна? США тратят на обучение одного студента в среднем в два раза больше, чем страны–члены Организации экономического сотрудничества и развития (*Organization for Economic Co-operation and Development, OECD*) – примерно 22 тыс. долл. в год (данные 2001 г.). Кроме того, бывшие питомцы и филантропы регулярно осыпают университеты деньгами. Историческая традиция также играет свою роль. Американцы всегда имели страсть к высшему образованию. Пуритане основали Гарвардский колледж в 1636 г., спустя всего два десятилетия после того, как они впервые прибыли в Новую Англию.

Основную причину успеха американцев следует искать в организации дела. Это именно то, что могли бы копировать другие страны. Однако копировать американский опыт нелегко. В особенности развивающимся странам, силы которых перенапряжены в результате проводимой государством модернизации.

Первый принцип организации образования в США заключается в том, что федеральное правительство играет в ней ограниченную роль. США не имеют центрального плана для своих университетов. Здесь не считают академиков слугами государства, как полагают во Франции и Германии. Взамен этого университеты имеют обширный круг покровителей – от правительства штата до религиозных организаций, от студентов, которые платят за обучение, до крупных филантропов. Академический пейзаж создавался в свое время такими богатыми меценатами, как Эзра Корнелл, Корнелиус Вандербильт, Джон Хопкинс, Джон Рокфеллер. Традиция филантропии уцелела до наших дней: в 2004 г. частные доноры предоставили университетам страны 24,4 млрд. долларов.

Ограниченное участие правительства не означает, что оно безразлично к университетам. Федеральное правительство всегда заботилось о высшем образовании. По Акту 1862 года (*The Morrill Land Grant Act of 1862*) по всей стране были созданы университеты «ленд-грант». Правительства отдельных штатов вкладывали деньги в местные колледжи. В результате принятия в 1944 г. закона о переходе военнослужащих на гражданское положение (больше известном как *The GI Bill*) университеты стали доступны каждому. Федеральное правительство продолжает вкладывать миллиарды долларов в науку и исследования.

Второй принцип – конкуренция. Университеты соревнуются буквально во всем – за студентов, профессоров, баскетбольных «звезд». Профессора соревнуются за федеральные исследовательские гранты. В университетах действует специальная система конкурсных экзаменов для получения стипендий или же грантов на проведение научно-исследовательских работ. Это означает, что даже успешные учреждения не могут почитать на лаврах.

Третий принцип – образование должно приносить осязаемую пользу. Бертран Рассел однажды выразил удивление по поводу житейских забот Университета Висконсина: «Когда какая-нибудь репа у фермера растет плохо, они посылают профессора исследовать неудачу с научной точки зрения». США всегда рассматривали университеты не просто как башни из слоновой кости. Как справедливо заметил американский историк Генри Коммаджер, для среднего американца XIX века «образование было религией», при условии, чтобы оно «было практическим и приносило дивиденды».

Акцент на том, чтобы образование «приносило дивиденды», остается важной чертой академической культуры. США являются пионером в искусстве установления связей между научными кругами и промышленностью. Американские университеты зарабатывают более 1 млрд. долл. в год на авторских гонорарах и лицензионных вознаграждениях. Более 170 университетов имеют в некотором роде «бизнес-инкубаторы», а дюжины оперируют собственными венчурными фондами.

Не похоже ни на что?

Существует масса фактов, позволяющих удивляться американской системе высшего образования, – от ее крепости перед лицом внешних потрясений до ее всеобъемлющего превосходства. Ни одна страна, кроме США, не исследует такой широкий круг тем (включая даже некоторые сомнительные темы, например, изучение геев, лесбиянок, бисексуалов и трансвеститов). Однако что особенно бросается в глаза – это гибкость системы образования и ее абсолютное разнообразие.

К примеру, гибкость в управлении продемонстрировал Нью-Йоркский университет. Он был провинциальным учебным заведением с небольшой платой за обучение. Не обладал особым престижем. В середине 1970-х университету грозило банкротство, и он был вынужден распродать свой самый большой кампус в Бронксе. Однако сегодня университет просто сорит деньгами, поступающими от фандрайзинга, является пределом мечтаний студентов всей страны, знаменит тем, что приглашает на преподавательскую работу ученых с мировым именем. В Шанхайском рейтинге университетов мира Нью-Йоркский университет занимает 32-ю строчку.

Светила науки определенно помогли поднять престиж этого учебного заведения, но более полезным оказалось другое. Прежде всего – способность руководства превратить в актив то, что университет находится в подземном городе на Манхэттене. Многие университеты имеют прекрасные экономические факультеты, но иметь фондовую биржу по соседству – это что-то! Второе – способность университета находить рыночные ниши. Престиж университета удалось поднять, в конечном счете, благодаря тому, что власть

сконцентрировалась в руках центральной администрации. Большинство университетов в других странах распределяют власть среди профессоров. Американские университеты устанавливают противовес власти профессорско-преподавательского состава личностью президента университета, что позволяет некоторым из них действовать скорее как предпринимательские фирмы, чем как сонное академическое учреждение.

Разнообразие американской системы образования позволяет ей сочетать высокое качество с доступностью, поскольку на рынке образовательных услуг представлен широкий круг различных типов учреждений. Только около 100 из 3200 тысяч американских учреждений высшего образования являются исследовательскими университетами. Многие другие являются частными колледжами, которые предлагают только двухгодичные курсы обучения, проводя мало исследований. Способные студенты могут продвигаться вперед — от простого двухгодичного колледжа в престижный исследовательский университет.

Если уж быть честным, следует признаться, что лучшие университеты США обильно заимствовали опыт из-за границы, особенно от британских университетов, которые были основаны в Оксфорде и Кембридже в средние века, и от немецкого исследовательского университета им. Вильгельма Гумбольдта, созданного в начале XIX века.

Дьяволы в раю

Американский академический рай дает убежище многим «дьяволам». Политкорректность является одним из симптомов более глубокой проблемы, а именно, растущей склонности Америки к разрушению тех самых принципов, которые и сделали ее мировым лидером.

Нередко студенты престижных университетов являются лишь пасынками высшего образования. Большинство ученых уделяет основное внимание исследовательской работе, а не обучению студентов, многие университеты пренебрегают своим учебным планом во имя академических занятий.

Время от времени университеты пытаются облегчить участь студентов. Так, в настоящее время в Гарварде этим занимаются специалисты: они пересматривают учебные планы, просят профессоров концентрироваться на обучении, а не на упрочении своего положения. Но реформаторы воюют на враждебной территории. Самые крупные награды в вузах присуждаются за исследования, а не за обучение (в значительной степени это объясняется тем, что исследование легче оценить). Большинство студентов готовы мириться с равнодушием профессоров, потому что, в конце концов, они получают жизненно важные для них дипломы.

Жалобы по поводу небрежности студенческого образования так же стары, как и исследовательские университеты. Впрочем, за последние годы появились новые критики американских университетов.

Во-первых, речь идет о том, что университеты больше не посвящают себя свободным исследованиям, как это должно быть. Налицо признаки того, что ученые восстают против свободных и открытых исследований по коммерческим, а не идеологическим причинам. Корпоративные спонсоры накладывают ограничения на исследовательские работы в сфере своих интересов для того, чтобы не допускать конкурентов – любителей «халявы» – к собственным исследованиям. Например, заставляют ученых задерживать публикации или даже изымать ключевые отрывки из статей. К примеру, *Novartis* – швейцарский фармацевтический гигант – согласился инвестировать 25 млн. долл. в Колледж природных исследований Университета Беркли. Ученым было поставлено условие, что сотрудники *Novartis* должны иметь возможность первыми ознакомиться с результатами большинства исследований, выполняемых отделом растений и микробиологии.

Во-вторых, отмечается, что американские университеты завышают цены на обучение, в результате чего они становятся недоступными для простых американцев¹.

Безжалостный рост платы за обучение вызывает в обществе беспокойство. Элитные колледжи практически не испытывают конкуренции, поэтому и не имеют стимулов к снижению стоимости обучения. Напротив, они стремятся добавить дорогостоящие «прибамбасы» (например, «звездных» профессоров или гимнастические залы), чтобы завлечь детей из богатых семей, поднимая таким образом стоимость обучения еще выше. А государственные университеты, которые играли просто героическую роль, предоставляя возможность образования неимущим студентам, были вынуждены поднять цены за обучение из-за сокращения государственного финансирования.

Средняя стоимость платы за обучение в государственных университетах поднялась в 2004 г. на 10,5%, что в четыре раза превысило уровень инфляции в стране. Разительное увеличение стоимости высшего образования в США ложится тяжелым бременем на семьи среднего класса, которые слишком богаты, чтобы получить право на специальные

¹ Между 1971/1972 и 2002/2003 учеб. гг. ежегодная оплата за обучение (в ценах 2002 г.) поднялась с 840 до 1 735 долл. в общественных двухгодичных колледжах и с 7 966 долл. до 18 273 долл. – в частных четырехлетних колледжах. В сложившихся условиях федеральное правительство направляет свыше 100 млрд. долл. в год на помощь студентам, а элитные университеты прилагают максимум усилий по субсидированию бедных студентов. Исследование доступности избранных колледжей показало, что в 2001–2002 гг. студенты со средним семейным доходом платили только 34% «кусающейся» цены.

субсидии. Средний класс посылает негативные сигналы более бедным родителям, которые, возможно, и не подозревают о доступности субсидий. Американцы все больше смотрят на университеты как на условие и средство получения хорошей работы, но при этом как на нечто непомерно дорогостоящее. В результате общество перестает испытывать благоговение перед уважаемыми прежде учреждениями.

В-третьих, критики говорят о том, что университеты становятся бастионами привилегий, а не инструментами социальной мобильности. Начиная с 1930-х гг., великие американские университеты много делали для реализации американского кредо о равенстве возможностей. Президент Гарварда в 1933–1953 гг. Джеймс Конант ввел систему предоставления стипендий в зависимости от успеваемости учащегося; широкая послевоенная экспансия высшего образования распространила этот его принцип меритократии на миллионы студентов. «Флагманы» государственных университетов – Мичиган, Техас и Беркли (Калифорния) – давали образование мирового класса поколению *next* почти даром.

Меритократия отстывает

«Марш» академической меритократии в настоящее время замедлился настолько, что больше похож на ползание, а на некоторых участках даже превратился в отступление. Исследования доступности элитных вузов, проведенные в Принстонском университете, показали, что в 11 университетах доля студентов из семей с наибольшими доходами увеличилась с 39% в 1976 г. до 50% в 1995 году. Доля студентов из семей с наименьшими доходами также слегка увеличилась. «Сжатие» произошло за счет средних слоев.

Гарвард в настоящее время предлагает бесплатное обучение студентам, чьи семьи зарабатывают меньше 40 тыс. долл. в год; значительно сократилась плата за обучение студентов из семей с доходами 40–60 тыс. долларов. Другие элитные университеты последовали этому примеру. И в то же самое время те же самые университеты отдают предпочтение спортсменам, лицам, подавшим заявления о поступлении ранее других (причем нередко это выходцы из привилегированных слоев), и детям прежних выпусков (и эти места, таким образом, как бы передаются по наследству). В университете DUKE (г. Дарем, штат Сев. Каролина), например, отпрыскам богатых родителей прямо советуют обращаться пораньше и рассматривают их заявления «сочувственно».

Реальная угроза меритократии, однако, исходит не от университетов, а от общества в целом. В частности, вследствие уменьшения финансирования государственных университетов (из-за нежелания американцев платить налоги) происходит «утечка академических мозгов» в малодоступные частные университеты. В 1987 г. семь из 26

наиболее «рейтинговых» университетов, по классификации журнала *The US News & World Report*, были государственными. К 2002 г. это число сократилось до четырех.

Самым большим риском для американской системы высшего образования является постепенная эрозия принципа конкуренции. Архитектор американского успеха в области образования – Ванневар Буш – во время Второй мировой войны был директором Управления по научным публикациям и развитию. После войны он настоял на том, чтобы исследовательские гранты были распределены среди университетов на основе открытой конкуренции и экспертной оценки. Однако в 1980-х университеты стали разрушать этот принцип путем лоббирования своих интересов с целью получить прямые ассигнования. В 2003 г. количество средств, выделенных из федерального бюджета на неконкурсной основе, составило 2 млрд. долл. (в 2000 г. – 1 млрд.).

И все же достижения США в сфере высшего образования все еще перевешивают недостатки. Многие американские студенты имеют достаточно здравого смысла, чтобы получить первоклассное образование. Солидный объем исследовательских грантов распределяется на основе достижений. Тем не менее, американские университеты могут в один прекрасный день стать уязвимыми перед конкурентами из других частей света – хотя, вероятно, не из Европы, которая имеет несметное количество собственных академических проблем.

Европа: небо в облаках

Европа надеется создать лучшую в мире экономику, базирующуюся на знаниях, что, однако, как считают обозреватели журнала «Экономист», маловероятно.

Разговоры по поводу планов превращения Европы к концу нынешнего десятилетия в самую конкурентную в мире «экономику, основанную на знаниях», – одна из любимейших тем европейских лидеров. Впервые эта цель была озвучена в Лиссабоне на саммите ЕС в марте 2000 г. и с тех пор повторяется как заклинание.

Для того чтобы понять полную абсурдность этой претензии, стоит нанести визит в Берлин, в университет им. В. Гумбольдта и, войдя в главное фойе, подняться по лестнице на следующий этаж. На стене золотыми буквами выгравирован известный тезис: «Философы просто объясняли мир; дело заключается в том, чтобы изменить его». Эти слова принадлежат небезызвестному выпускнику университета. Любопытно также изучить портреты Нобелевских лауреатов, которые вывешены на стенах. Их было восемь в 1900–1909-х годах, шесть в 1909–1919-х годах, четыре в 1920–1929-х, шесть в 1930–1939-х, один в 1940–1949-х и четыре в 1950–1956-х годах.

В XIX в. здесь обучались такие интеллектуалы, как Гегель и Фихте. Университет был пионером образовательного учреждения нового вида – исследовательского

университета. Список университетской славы включает такие светила, как Теодор Моммзен, Макс Планк, Альберт Эйнштейн и Вернер Гейзенберг. После 1956 г. питомцев университета в числе Нобелевских не было. Этот факт не единственный показатель нынешнего состояния университета, который занимает 95-е место в Шанхайском рейтинге университетов мира, по соседству с университетом американского штата Юта. Здания университета серые, аудитории переполнены, некоторые лучшие профессора уволились.

Апологеты могут возразить, что университет им. В. Гумбольдта все еще приходит в себя со времен своего пребывания за «неправильной стороной» Берлинской стены. Однако проблемы этого университета тиражируются по всей Германии. Самое высокое место среди немецких университетов занимает Технологический университет в Мюнхене (по Шанхайскому рейтингу – 45-е место в мире). Количество студентов на одного преподавателя в немецких университетах чересчур велико. На некоторые лекции в аудиторию набивается больше тысячи студентов. Единственный пункт, по которому немецкие университеты все еще лидируют в мире, – это возраст студентов по окончании учебного заведения (в среднем 26 лет).

Самая большая проблема немецких университетов – «мертвая рука» государства. Немецкое правительство – и местное, и центральное, – старается управлять каждым аспектом академической жизни – кого университеты должны нанимать на работу, кого они могут учить. Государство все больше морит университеты голодом в смысле финансирования и не в последнюю очередь потому, что не позволяет взимать или менять плату за обучение. Оно также подавило академическую конкуренцию. Университеты имеют мало власти для того, чтобы отбирать себе учеников, и еще меньше, чтобы привлекать известных профессоров. Спohватившись, немцы начинают признавать, что их система нефункциональна, ведь некоторые из самых подготовленных студентов уезжают учиться за границу. Правительство усердно пытается привлекать иностранных студентов для учебы в университетах Германии, хотя успехи в этом направлении, скорее, обязаны бесплатности высшего образования – как для отечественных, так и иностранных студентов, чем его качеству. Правительство пытается сделать немецкие университеты конкурентными, создавая подобие американского неформального клуба элитных университетов *Ivy League*. Более того, Конституционный суд Германии отменил правительственный запрет на плату за обучение, открыв университетам путь для увеличения своих доходов (и побудив протестовать десятки тысяч студентов). Однако эти реформы являются только началом. Немецкие земли, контролируемые левыми, вероятно, продолжат выступать против введения платы за обучение, а более консервативные земли будут взимать только символическую сумму.

Европейские страны тратят на поддержку высшего образования только 1,1% от своего валового внутреннего продукта, тогда как в США этот показатель равен 2,7%. Американские университеты расходуют на обучение одного студента в 2–5 раз больше средств, чем европейские. Это находит отражение в меньшей наполняемости аудиторий, привлечении лучших профессоров и в более качественных лабораторных исследованиях. Европейская комиссия выяснила, что 400 тыс. европейских научных работников в настоящее время работают в США. И большинство не собираются возвращаться. Европа производит только четверть от американского количества патентов. Ей надо бы думать не о том, что можно превзойти США как мирового лидера экономики, базирующейся на знании, к 2010 г., а... как бы ее не обогнал Китай и другие азиатские страны.

Основные проблемы университетов – одни и те же по всей Европе: слишком много контроля со стороны государства и слишком мало свободы в решении собственных проблем. Правительства заставили университеты дать образование огромным армиям студентов по недорогой цене и лишили их той свободы, которая необходима для конкуренции на международном рынке: а именно, возможности отбирать своих студентов и платить профессорам рыночную цену за их труд.

Все же европейцы предпринимают практические шаги для улучшения ситуации. В Болонской Декларации, подписанной в 1999 г., ставится цель создания единого европейского «пространства» высшего образования путем введения сопоставимых квалификаций (дипломов) и обращающихся кредитов. Различные инициативы ЕС поддерживают желание молодых людей учиться в других (европейских) странах: к примеру, программа *Erasmus* уже помогла более чем миллиону студентов. Сочетание все возрастающей прозрачности (границ) и увеличивающейся мобильности передвижения работает на поддержку конкуренции среди университетов.

Но все это – слишком мало, слишком поздно. Мало прогресса или же его нет вовсе в деле введения реальной платы за обучение, освобождения университетов от правительственного контроля, концентрации исследовательской работы только в элитных университетах. Для того чтобы понять, как далеко еще должны пойти европейские страны в этом направлении и как трудно будет туда идти, стоит посмотреть на Великобританию.

Ситуация с образованием в Великобритании представляет собой заметное исключение из европейского самодовольства. В стране есть два университета, которые входят в десятку лучших в мире (по Шанхайскому рейтингу). Это Кембридж (№ 3) и Оксфорд (№ 8), четыре британских университета входят в тридцатку лучших университетов мира. Это намного лучший показатель, чем в любой другой европейской стране. Британия имеет и высокий процент населения с высшим образованием: более 30%

из релевантной возрастной группы окончили университет или колледж (тогда как в середине 1980-х годов таких было лишь 14%).

Британские ученые были ошеломлены, когда М. Тэтчер приступила в начале 1980-х к «перетряхиванию» университетов. Оксфорд даже отказал в этой связи в присуждении почетной ученой степени первой женщине–премьер-министру страны, бывшему питомцу университета. Однако долговременный эффект ее политики, который продолжался и некоторым образом даже усилился при правлении лейбористов с 1997 г., привел к тому, что британские университеты находятся в гораздо лучшем состоянии, чем их континентальные соперники.

Британские университеты получили известную свободу в установлении платы за обучение: уже в 1998 г. – она утроилась (поднялась до 3 тыс. фунтов стерлингов). Университеты также учатся добывать деньги у частного бизнеса и бывших питомцев. Если самой видной фигурой для британского студенчества в 1960-е гг. был радикальный социолог, то сегодня на первый план вышла фигура ученого-предпринимателя. Однако британские университеты все еще страдают от двух досадных проблем.

Первая – это вмешательство правительства. Его решимость улучшить положение дел в сфере высшего образования на деле оборачивается созданием бюрократии «академических ревизоров», которые не могут отличить настоящее исследование от псевдонаучного.

Вторая проблема – неослабевающий финансовый прессинг. Последующие правительства протрубили о повышении продуктивности, которая, предположительно, поднимается на 1% в год. Однако слишком часто это просто синоним эрозии качества. В 1990-х гг. затраты на одного студента упали более чем на треть, а количество студентов на одного преподавателя удвоилось (было девять к одному, стало 18 к одному). Оклады ученых за два последних десятилетия падали примерно на 2% в год в реальном выражении, и армия лекторов-«почасовиков» растет еще большими темпами. Для половины университетов характерен дефицит бюджета.

Сложившаяся ситуация подрывает возможности страны поддерживать университеты мирового уровня. Некоторые лучшие ученые проигрывают иностранным конкурентам. Похоже на «вредительство», но университеты вынуждены «проедать» свое капитальное имущество. Так, Оксфорд имеет текущий дефицит в 20 млн. фунтов стерлингов в год и накопленный дефицит на исследования и обучение в 95 млн. фунтов. Министерство финансов выделяет около половины тех средств, которые требуются на обучение в Оксфорде (в среднем, на одного студента необходимо 18 600 фунтов в год). Поэтому университет и его колледжи вынуждены покрывать разницу из собственных

ресурсов. Помогут новые расценки оплаты за обучение, но и их недостаточно для того, чтобы решить все финансовые проблемы университета.

Британское правительство возглавляет процесс реформирования университетов в континентальной Европе. Оно учредило систему студенческих займов и перешло важный рубеж, признав принцип «меняющейся платы за обучение». Однако та разновидность управляемого рынка, которую создало британское правительство, устанавливающее, что именно университеты могут продавать и по какой цене, является неудовлетворительным компромиссом.

Мировые тенденции в сфере образования

Итак, процесс решительного реформирования университетов мира совершенно очевиден. Каковы же причины подобных радикальных изменений?

Первая – демократизация высшего образования, «массификация», говоря языком профессионалов. В богатых странах мира этот процесс наблюдается достаточно давно. Так, в странах–членах Организации экономического сотрудничества и развития количество взрослых с высшим образованием с 1975 по 2000 г. почти удвоилось (с 22 до 41%). Большинство богатых стран из всех сил стараются «переварить» этот огромный рост. Однако массификация постепенно распространяется и на развивающийся мир. Так, в Китае количество студентов удвоилось в конце 1990-х годов, следовать его примеру пытается и Индия.

Вторая причина – рост экономики знаний. Мир находится во власти «бархатной революции», в которой знание замещает физические ресурсы в качестве основного двигателя экономического роста. В ОЭСР подсчитали, что между 1985 и 1997 гг. вклад наукоемких производств в валовой национальный продукт дополнительно возрос с 51 до 59% в Германии и с 45 до 51% – в Великобритании. Лучшие компании вкладывают по меньшей мере треть своих инвестиций в наукоемкие сферы – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, лицензирование и маркетинг. Университеты являются одним из важнейших звеньев экономики знаний. Они не только производят «личный состав» экономики знаний – работников, являющихся ее «мозгом». Университеты составляют значительную часть «спинного хребта» такой экономики – это лаборатории, библиотеки, компьютерные сети.

Третья причина изменений – глобализация. Возможность быстрого преодоления расстояний трансформирует учебные заведения настолько же радикально, насколько она изменяет бизнес. Число студентов из стран–членов ОЭСР, обучающихся за границей, за последние 20 лет удвоилось и в настоящее время составляет 1,9 млн. человек.

Университеты открывают свои кампусы по всему миру. Растет количество стран, пытающихся превратить высшее образование в экспортную индустрию.

Четвертая причина – конкуренция. Традиционные университеты вынуждены конкурировать за студентов и исследовательские гранты, а частные компании пытаются «вклиниться» в этот сектор. По подсчетам Всемирного банка мировые затраты на высшее образование составляют 300 млрд. долл. в год. В мире насчитывается более 80 млн. студентов, а 3,5 млн. человек заняты их обучением или заботятся о них.

Создается впечатление, что для университетов наступил «золотой век». Однако в самих учебных заведениях, особенно в Европе, такого ощущения нет. Ведь современный университет был рожден в мире, весьма отличном от нынешнего: тогда лишь крошечное меньшинство населения имело доступ к высшему образованию.

Как должно вести себя государство в условиях «массификации»? Все большее число правительств ее приветствуют, однако немногие готовы сделать соответствующие выводы из своего энтузиазма. Что следует делать: обеспечить необходимые фонды (как в скандинавских странах) или позволить университетам взимать реальную плату за обучение? Многие правительства пытались решить проблему посредством более жесткого управления, но управление не может возместить недостаток ресурсов.

Зарплаты преподавателей сокращаются, здания и библиотеки ветшают. В огромных университетах индивидуальное внимание к студентам отошло на задний план. Да и может ли быть иначе, если, к примеру, в Римском университете обучается 180 тыс. студентов, в Национальном университете Мехико – более 200 тыс., а в Университете Анатолии (Турция) – 530 тыс. студентов! Врожденный консерватизм, свойственный преподавателям, не помогает: сейчас они просто вынуждены так или иначе учитывать явление «массификации». В итальянских университетах, например, настаивают на том, чтобы все студенты подвергались устному экзамену профессора продолжительностью около 5 минут.

Что можно в сложившейся ситуации сделать? Техно-утописты (*techno-utopians*) полагают, что высшее образование созрело для революции. Университет стал безнадежно отжившим учреждением, приверженным устаревшей практике – штатным должностям и лекциям. В такой форме он не способен служить новому миру – миру массовой аудитории и информации, поступающей в режиме «реального времени». Возможно, спасение «на подходе» – в форме интернет-обучения и коммерческих университетов.

Консерваторы, со своей стороны, полагают, что два руководящих принципа современной политики в сфере высшего образования – демократия и утилитарность – являются «деградацией академической догмы». Проза жизни, впрочем, полностью

разбивает этот их аргумент: высшее образование быстро проходит путь среднего образования – его стремятся получить все.

Позиция техно-утопистов, на первый взгляд, является более привлекательной. Интернет, несомненно, будет оказывать влияние на обучение, и коммерческие компании готовы расшевелить умирающий рынок образовательных услуг. Но существуют пределы.

Несколько лет назад в докладе фонда *Coopers & Lybrand* было заявлено, что онлайн образование могло бы устранить самые крупные материальные издержки высшего образования. Во-первых, не нужны здания, традиционные кампусы. Во-вторых, не требуется профессорско-преподавательский состав, занятый полный рабочий день. Такое обучение требует только небольшого количества профессоров, но имеет потенциал, распространяющийся на огромный рынок студентов. Но ведь образование – это не просто передача фактов какому-либо человеку (что довольно хорошо делает Интернет в процессе обучения). Это умение размышлять и спорить, которое лучше всего приобретается в сообществе ученых. Человеческое общение гораздо более необходимо для высшего образования, чем высокие технологии. С точки зрения авторов доклада венец развития высшего образования – это появление суперлиги всемирных университетов. Эти учреждения рассматривают весь мир как сферу своей деятельности, но они все еще подвержены идеалу университета как сообщества ученых, сочетающих обучение студентов и исследовательскую деятельность.

Проблема для политиков заключается в том, чтобы создать систему высшего образования, удовлетворяющую потребности и в массовом доступе, и в высоком качестве. Систему, в которой есть место и для всемирных элитных университетов, и для обслуживания огромного количества «средних» студентов. Систему, которая использует возможности, предоставляемые новой техникой, но и признает, что образование требует человеческого общения. Удачная модель организации высшего образования уже есть – это американская модель.

В докладе фонда *Coopers & Lybrand* содержатся некоторые советы странам, которые пытаются создать удачные системы высшего образования. Эти советы пригодятся и новичкам, таким, как Индия и Китай, и странам с большим опытом, но испытывающим серьезные трудности в этой сфере – к примеру, Германии и Италии. Первое: разнообразие источников дохода. Договоренность с государством, как оказалось, является соглашением с дьяволом. Второе: пусть расцветут тысячи академических цветов. Университеты коммерческие должны конкурировать за клиентов. Современная экономика нуждается в многообразии университетов, готовящих своих выпускников к самому широкому спектру жизненных планов. Эти два совета подкрепляют друг друга: чем

больше будет сокращаться роль государства, тем больше будет процветать разнообразие в сфере образования.

По материалам журнала *The Economist* (Великобритания). – 2005. – 10 Sept.

А. Галеева